

22 В настоящее время, по свидетельству Г. Сингха, в Кашмире производится "сукно" под названием патта, и сырьем для его производства является местная шерсть. См.: Сингх Г. География Индии. М., 1980, с.492.

23 Об увеличении объема производства можно судить по возрастанию экспорта: таи, с 1850 по 1860 г. экспорт шалей из Индии только в Европу возрос более чем вдвое. См.: I r w i n J. Shawls, p. 18.

24 В а р к е р А.Ф. Op. cit., p. 130.

25 С и н г х Г. Указ. соч., с.496.

26 Основными покупателями кашмирских шалей была Франция, и после поражения Франции во франко-прусской войне 1870-1871 гг. спрос на шали в Европе практически прекратился. Если в 60-70-х годах XIX в. ткачеством в Кашмире занималось 30-40 тыс. человек, то по переписи 1901 г. в Кашмире осталось всего 5037 ткачей. См.: В а р к е р А.Ф. Op. cit., p. 132.

М.Б.Попов, А.Ю.Русakov

О РОЛИ СЛОВА И МОРФЕМЫ В РАЗВИТИИ ЗВУКОВОГО СТРОЯ ЯЗЫКА

Соотношение слова и морфемы в языковой системе представляет интерес и в типологическом, и в историческом аспектах. Для диахронии, в частности, важно выяснить, на каком уровне - слов или морфем - протекают звуковые изменения. Решить эту проблему можно, по-видимому, лишь обратившись к той роли, которую слово и морфема играют в речевой деятельности.

Вопрос о том, является ли слово и морфема универсальными единицами, присущими языкам любых типов, является дискуссионным.¹ Не давая дефиниций понятиям "слово" и "морфема", заметим, что нет оснований считать эти единицы неуниверсальными, т.е. во всяком языке, по-видимому, есть слова, которые состоят по крайней мере из двух морфем. Таким образом, и слово и морфему можно выделить в языках любого грамматического строя, однако отношения этих двух единиц и их роль в системе будут различны для разных языков. Слово в любом языке является основной единицей речевой деятельности, следовательно, единицей функциональной. Но в изолирующих языках оно так и остается единицей чисто функциональной, "субстанционально" не противопоставленной морфеме. Так, во вьетнамском языке подавляющее большинство морфем вьетнамского происхождения может выступать в функции отдельного слова, а большинство традиционно выделяемых многослож-

ных слов отличается от словосочетаний лишь семантически, в плане содержания, т.е. собственно так, как относятся связанные словосочетания к свободным во флективных языках.² Напротив, во флективных языках слово состоит из морфем, по преимуществу не употребляющихся самостоятельно, причем слово не равно сумме составляющих его морфем ни в плане выражения, ни в плане содержания. Таким образом, слово противопоставлено здесь морфемам "субстанционально". Соответственно повышается роль слова как центральной и "организующей" единицы языка. Это отчетливо видно на примере индоевропейских языков, история которых, согласно распространенным взглядам, представляет собой развитие от изолирующего строя к флективному.³ При этом подобное развитие трактуется как ориентированное на становление слова в качестве языковой единицы.⁴ Можно также рассматривать этот процесс как переход от слова как единицы "чисто функциональной" к слову как единице "субстанциональной". Любопытно, что некоторые индоевропейские языки отходят от флективного типа. Так, развитие германских языков, согласно идее, восходящей к Р.Раску, рассматривается как переход к изолирующему строю.⁵ Однако для нас в данном отношении важно то, что в изолирующих языках центральной, "организующей" единицей системы является морфема, а во флективных - слово.

Рассмотренные выше вопросы существенно не только сами по себе, но и как отправная точка в решении ряда проблем, связанных с выработкой критериев и методов фонологического анализа. С кругом затронутых выше вопросов связан, в частности, выяснение того, что именно конституируют единицы фонологического строя: звуковые оболочки слов или морфем?

Так, существует мнение, что фонемы конституируют и различают десигнаторы морфем и соотносятся только с морфемами; в слоговых языках (изолирующих по своему грамматическому строю)⁶ десигнатором морфемы является слог.⁷ Тем самым положение о соотносительности фонемы или слога с морфемой, а не со словом, распространяется как на слоговые (изолирующие), так и на неслоговые языки. Это положение подкрепляется, в частности, тем общим соображением, что фонемы могут соотноситься лишь с морфемами как единицами б л и ж а й ш е г о к фонеме уровня:

таким образом, "перескакивание" с фонемного уровня языковой структуры к словесному через голову морфемного в процессе лингвистического анализа признается незаконным, неправомерным.⁸ Однако, поскольку мы знаем явно недостаточно о реальных иерархических межуровневых отношениях в языковой системе, в частности, об отношениях между "уровнями" слов, морфем и фонем, едва ли правомерно отрицать на основании приведенного выше критерия возможность непосредственного соотношения фонемы со словом. Кроме того, В.Б.Касевич демонстрирует соотношенность звуковых единиц исключительно с морфемой на примерах из бирманского (слогового) и английского (неслогового) языков.⁹ Однако, если и признать его рассуждение относительно бирманского примера убедительным, то английский пример в данном случае оказывается нерелевантным, что, впрочем, сознает и сам автор.

Представляется, что в изолирующих языках единицы звукового уровня (в слоговых языках — слоги) действительно соотносятся в первую очередь с морфемами, но тем самым и со словами, отличающимися, как уже было сказано выше, от морфем только функционально. Что касается языков иного строя, прежде всего флективных, то в них, по-видимому, фонема соотносится с планом выражения слов.

Последнее положение подкрепляется, в частности, и данными психолингвистики. Так, результаты экспериментов свидетельствуют как будто о том, что по крайней мере морфемы, входящие в основу, не играют существенной роли при нормальных процессах порождения и восприятия слов, уже существующих в языке (исследование проведено на материале русского языка).¹⁰ По всей видимости, производные слова во флективных языках воспроизводятся в речи целиком, а не по составляющим их морфемам. Соответственно, целиком слова должны храниться и в лексиконе носителя языка.¹¹ Подтверждением этого в каком-то смысле является, в частности, тенденция к стиранию морфемных границ, действующая во флективных языках.¹² Морфема основы не является единицей порождения и восприятия речи во флективных языках, но служит, впрочем, для создания новых лексических единиц. Однако новое слово не возникает в результате использования носителем языка того или иного словообразовательного аффикса, а определяется общими ана-

логическими процессами, причем звуковые комплексы, выступающие в роли словообразовательных аффиксов, могут не совпадать с "этимологическими" аффиксами и с морфемами, выделяемыми на синхронном уровне, т.е. являются "квазиморфемами".¹³ Все это говорит о том, что слово является основной единицей и в динамических деривационных процессах.

Если взглянуть на обсуждаемую проблему через призму фонетических изменений, то мы опять наткнемся на связь "фонема - слово". Звуковой закон действует, как правило, на уровне слова, точнее - словоформы. Связь с морфемой можно усмотреть на завершающих этапах фонемного изменения, когда начинаются процессы, которые традиционно называются "выравниванием по аналогии": фонетическое изменение как бы "переходит" с уровня словоформы на уровень морфемы. Однако и здесь морфемный уровень соотносится с фонемным в процессе изменения через слово как парадигму словоформ, причем, утрачивая связь со словоформой, фонетическое изменение перестает быть собственно фонетическим: вступает в свои права морфонология. Морфонологическая система, имеющая дело с фонемой в составе морфемы, уже не оперирует фонемой в собственном смысле слова.¹⁴

Вышеприведенные соображения свидетельствуют, как нам кажется, в пользу того, что именно слово является во флективных языках той основной единицей, с планом выражения которой соотносится фонема. Какие же следствия вытекают из этого общего положения?

Если определить конститутивную функцию фонемы как "словообразующую" (и соответственно дистриктивную - как "словоразличительную"), то главным фактором, обуславливающим сегментацию речевого потока на фонемы (а это - исходный пункт фонологического анализа), следует признать фактор межсловной границы: если внутри звуковой последовательности в принципе может проходить стык слов, то она вследствие этого членится на фонемы.¹⁵ Переформулировав это положение, можно сказать, что межсловная граница не может проходить внутри фонемы. В противоположность этому морфемная граница проходить внутри фонемы может. В этой связи будет уместным привести следующее соображение. Если исходить из неразрывного единства фонетики и фонологии, что

свойственно чербовскому направлению, то следует признать фонологическую однородность речевого потока. Следовательно, звуковой поток на стыке слов принципиально сравним со звуковым потоком внутри слова. Так, в частности, экспериментальные исследования показывают, что в русском языке сочетания звуков на стыках слова и внутри слова обнаруживают одни и те же фонетические закономерности.¹⁶ Естественно, если звуковая последовательность делится межсловной границей на фонемы, то эта же последовательность должна представлять собой бифонемное сочетание и внутри слова.

Возникает вопрос, возможны ли нарушения этого правила, сформулированного в синхронно-статическом плане, т.е. возможно ли в каких-либо ситуациях прохождения стыка слов по фонеме? Одним из распространенных типов звуковых изменений является синтагматическое слияние двух фонем в одну, причем результат слияния может совпасть с уже существующей в системе фонемой, а может привести и к возникновению новой фонемы.¹⁷ В этом смысле представляет интерес фонологическая интерпретация звуков [ц] и [ш'ц] в русском языке.

Так, звук [ц] встречается в позиции перед взрывным согласным и внутри морфемы (клецка, отец Коли), и на морфемном шве (детский, детство, отскочит), и на стыке слов (вот скот, этот стол). Исходя из вышеприведенного критерия межсловной границы, мы должны были бы, вследствие того, что звуковой комплекс [тс = ц] может быть расчленен стыком слов, членить его и во всех других случаях, в частности и в случаях типа клецка, отец Коли, и, следовательно, констатировать для современного русского литературного языка отсутствие отдельной самостоятельной фонемы [ц], интерпретируя звуковой комплекс [тс = ц] как сочетание фонем [тс]. Следует обратить внимание, однако, на историю фонетического изменения тс > ц, которая в известном смысле проливает свет на решение этого вопроса. Сочетание [тс] в положении перед согласным было в конечном итоге отождествлено с уже имевшейся в системе фонемой [ц].¹⁸ При этом данное отождествление и соответственно замена [тс] на [ц] происходили во всех случаях когда группа [тс] находилась в положении перед согласным, в том числе и на стыках слов. Однако в совре-

менном языке внутри слова мы имеем дело с результатом уже завершившегося фонетического изменения, в то время как на стыках слов продолжает действовать живая фонотактическая закономерность: сочетание "[тс] + согласный" регулярно "чередуется" с "[ц] + согласный". Представляется, что таким способом возникают многие позиции фонотактического ограничения: замена звука происходит во всех без исключения позициях, в том числе и на стыках слов (ср. чередования по глухости-звонкости в русском языке). Особенность нашего случая заключается лишь в том, что последовательность [т - с], разделенная словесной границей, чередуется с о д н о й фонемой.

Иную ситуацию имеем с фонемой [ш' :], которую мы также считаем самостоятельной единицей в системе русского литературного языка. Звук [ш' :] как будто бы не встречается в литературном произношении на стыке слов (ср. наш человек), тем самым [ш' :], встречающееся внутри морфемы и на морфемном шве, оказывается противопоставленным сочетанию [шч], что служит аргументом в пользу его монофонемности.¹⁹ Исторически, как известно, звук [ш' :] возник из сочетания [ш' т' ш'] в результате фонетического импульса - утраты затвора - и, как представляется, в связи с процессом отвердения шипящих, в частности [ш'] > [ш].²⁰ Важно, однако, что сочетание фонем [шч] внутри слова не было отождествлено с какой-либо фонемой, уже существовавшей в системе. В данном случае фонемизация сочетания [шч], т.е. образование фонемы [ш'], означала прекращение действия живой фонетической закономерности. Звуковое изменение перешло на уровень лексикона и закрепилось в нем. Это, в свою очередь, предотвратило закрепление фонотактического правила на стыке слов. Другими словами, с исторической точки зрения основной фонологический смысл того факта, что звук [ш' :] регулярно не возникает в сандхи, заключается в фонологизации фонемы [ш].

Интересно сравнить с этим явлением русского языка известный пример М.И.Стеблин-Каменского, в котором показано, что в норвежском языке не завершилась фонологизация альвеолярного [t]; в частности, это доказывается и тем, что данный звук регулярно возникает в сандхи из сочетания [rt].²¹ Любопытно, что, несмотря на внешнее сходство (и в том и в другом случае звук

встречается в сандхи), этот норвежский пример противоположен рассмотренному выше случаю с русским [ц]: в русском примере сочетание [т-с], разделенное межсловной границей, регулярно заменяется уже существующей фонемой [ц], в то время как в норвежском мы имеем дело с ж и в н м фонетическим процессом, не перешедшим еще на фонемный уровень (в отличие от случая с русским [ш]), в то же время не происходит и фонемных чередований (в отличие от случая с русским [ц]). Норвежское изменение [rt] > [t] по своему типу сходно с русским [шч] > [ц], так как и в том и в другом случае не происходит совпадения с уже существующей фонемой, но в первом случае изменение еще не перешло на фонемный уровень, во втором — фонологизация [ц] уже завершилась.

Рассмотрим еще некоторые примеры.

В некоторых славянских языках действует следующая фонотактическая закономерность: на стыке слов сочетание двух одинаковых согласных заменяется простым одиночным согласным. Наиболее последовательно это проведено в словенском (ср. *lep pes* > *lep_ees*, *ves islil* > *ves_iislil*) и в словацком языке (ср. *mat mos* > *ma_mmos*, *rod dubom* > *ro_ddubom*).²² В чешском литературном произношении это правило не действует, но в диалектах распространено широко.²³ В принципе интерпретация этих случаев должна быть такой же, как и в случае с русским [ц]. Можно сделать лишь такое примечание: изменение [тс] > [ц] очень сильно обусловлено позиционно, в то время как в указанных славянских языках отмеченная фонотактическая закономерность отражает широко представленную тенденцию к утрате геминат: ср., например, словацкое изменение [tə] > [c] > [c] и др., независимо от позиционных условий.²⁴

Роль сандхи в процессах фонемизации сочетаний соседних фонем может быть проиллюстрирована на примере возникновения новых долгих гласных фонем в ряде славянских языков, которые связаны с процессами стяжения гласных (контракции), пережитыми славянскими языками в разные периоды своей истории. Долгие гласные как самостоятельные фонемы, как представляется, могут быть выделены только в языках, где долгие гласные противопоставлены сочетанию соответствующих кратких: например, [a:] — [aa],

причем, естественно, сочетание фонем постоянно воспроизводится в сандхи. Такую ситуацию можно отметить для чешского языка, где фонологизация долгих гласных предотвратила контракцию на стыке слов (сочетание двух гласных здесь характеризуется наличием придыхательного перехода от первого гласного ко второму).²⁵ Для русского языка выделение долгих гласных как самостоятельных фонем неправомерно, так как долгие гласные в середине слова (баобаб, заалеть) не противопоставлены долгим гласным на стыке слов (баабаАля). Эти же рассуждения применимы и по отношению к долгим согласным. Например, неправомерно постулирование долгих согласных фонем для украинского языка на основании таких форм, где долгий согласный, возникший из сочетания с йотом, находится не на морфемном шве (ср. життя, весілля), так как эти долгие согласные не противопоставлены сочетаниям соответствующих фонем на стыке слов.

Суммируя вышесказанное, можно заметить, что прохождение межсловной границы внутри фонемы противоречит тенденциям, свойственным флективным языкам, в частности, тенденции к самостоятельности слова. Примеры подобного рода достаточно редки и обычно легко объясняются специфическим историческим развитием. Интересно, что для некоторых современных индоевропейских языков характерно уменьшение фонетической самостоятельности слова. Так, для французского и отчасти для кельтских языков едва ли применимо понятие фонетического слова: слово здесь выступает обычно в составе сложных комплексов, подчиняющихся особым фонетическим закономерностям. С одной стороны, это свидетельствует о вторичном уменьшении центральной роли слова в современных индоевропейских языках (ср. упомянутый выше переход некоторых германских языков к слогоморфемности), а с другой — указывает на то, что в различных языках традиционно выделяемые признаки слова могут иметь разный удельный вес. Ярким примером языка с развитыми внешними сандхи и с межсловными границами, проходящими по фонеме, является санскрит. Однако подобное положение можно объяснить, с одной стороны, искусственным характером классического санскрита, в частности и искусственным характером многих сандхи,²⁶ а с другой стороны, это может быть связано с особенностями грамматического строя санскрита (обилие

гиперкомпозигов, именной стиль предложения, господство пассивных конструкций и т.п.,²⁷ также указывающими на уменьшение роли отдельного слова.

В то же время фонетические изменения рассмотренного типа на морфемном шве в целом определяются ведущей тенденцией флективных языков, и следовательно, вывод о том, что морфемная граница может проходить внутри фонемы, отвечает этой тенденции. Однако следует заметить, что морфемные границы, в свою очередь, не являются однородными. Так, во флективных языках существует четкая тенденция к сохранению границы между основой и флексией, при этом если происходит "затемнение" этой границы в связи с фонетическими изменениями, то сдвигается с а м а граница (ср. знаменитый закон Бодуэна о сокращении основ в пользу окончаний).²⁸

В связи с противопоставленностью основы и флексии во флективных языках обращает на себя внимание тот факт, что изменения, которые обычно определяются как морфологически обусловленные фонетические изменения, как правило, действуют именно на уровне флексии: ср. такие, например, изменения, как отверждение [м'] в флексии твор. падежа ед. числа (стольмь > столом, но семі), переход [г] > [в] в флексии род. падежа ед. числа прилагательных (красного > красново), отверждение [т'] в окончании глаголов 3-го лица ед. и мн. числа (ходить > ходит) и т.п. Здесь флексия ведет себя как "самостоятельная словоформа", по сути же эти изменения являются морфонологическими.

По-видимому, тенденция к "отдельности" флексии определяет сам характер порождения словоформ в флективных языках. В отличие от производных слов, хранящихся в лексиконе "целиком", словоформы могут, вероятно, как храниться в лексиконе (по крайней мере, наиболее частотные из них), так и порождаться в момент речи по продуктивным схемам.

П р и м е ч а н и я

¹ Я х о н т о в С.Е. О значении термина "слово". - В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963, с.165-173; С о л н ц е в В.М. К вопросу о приложи-

мости общеграмматических терминов к анализу китайского слова. - Там же, с.121-128.

² Быстров И.С., Нгуен Тай Кан, Станкевич Н.В. Грамматика вьетнамского языка, Л., 1975, с.14-37.

³ Клычков Г.С. Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка. - *Вопр. языкозн.*, 1963, № 5, с.4-5; Плоткин В.Я. Типологические реконструкции динамики индоевропейской фонологической системы. - *Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз.*, 1978, т.37, № 5, с.393-394.

⁴ Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в ирландском языке. - В кн.: *Морфологическая структура слова в индоевропейских языках.* М., 1970, с.71-103.

⁵ См. об этом: Кузьменко Ю.К. От корреляции контакта к слогоморфемности (о тенденции развития датского языка). - В кн.: *Функциональный анализ языковых единиц.* М., 1983, с.123-129.

⁶ По-видимому, имеется существенная связь между изолирующим характером грамматического и слоговым характером звукового строя языка.

⁷ Касевич В.Б. О соотношении незнаковых и знаковых единиц в слоговых и неслоговых языках. - В кн.: *Проблемы семантики.* М., 1974, с.125.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с.125-126.

¹⁰ Русакова М.В. К вопросу о лингвистической и психолингвистической функции морфемы. - В кн.: *Семантические аспекты языка.* Л., 1981, с.92-99; Русакова М.В., Русаков А.Ю. К вопросу о роли морфемы в речевой деятельности. - В кн.: *Функциональный анализ языковых единиц.* М., 1983, с.168-177.

¹¹ Сахарный Л.В. Словообразование в речевой деятельности: Автореф. докт. дис. Л., 1980.

¹² Отметим, что фузия как черта морфологической системы и флективность грамматического строя связаны, по-видимому, существенно; см.: Володин А.П., Храковский В.С. Флексия, фузия, агглютинация. - В кн.: *Тезисы рабочего совещания по морфеме.* М., 1980, с.30.

¹³ Mal'k i e l J. *Genetic analysis of word formation.* - *Current Trends of Linguistics*, 1966, vol. 3, p. 322.

¹⁴ Колесов В.В. Динамическая модель и изменение фонем. - В кн.: *Фонология.* Тамбов, 1982, с.81.

¹⁵ Положение о том, что в речевой деятельности надежное членение на фонема обусловлено межсловными границами, не является принятым в чербовской фонологической школе: обычно в качестве критерия используется критерий морфемной границы, откуда вытекает, что морфемный шов не может проходить внутри фонемы. См.: Зиндер Л.Р. *Общая фонетика.* 2-е изд. М., 1979,

с.36-42; К а с е в и ч В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983, с.17-33.

16 Б о н д а р к о Л.В., З и н д е р Л.Р., С в е т о - з а р о в а Н.Д. Разграничение слов в потоке речи. - *Вопр. языкозн.*, 1968, № 2, с.68-81.

17 Я к о б с о н Р. Принципы исторической фонологии. - В кн.: Якобсон Р. Избр. работы. М., 1985, с.127-128.

18 В данном случае мы сознательно отвлекаемся от реальных фаз протекания данного процесса.

19 П о п о в М.Б. К вопросу о морфемных границах и стыках слов как факторах, обуславливающих фонологическую сегментацию речевого потока. - В кн.: Спорные вопросы русского языкознания: Теория и практика. Л., 1983, с.178-179.

20 К о л е с о в В.В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980, с.157.

21 С т е б л и н - К а м е н с к и й М.И. 1) Заметка по санхьяльной фонологии. - В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971, с.151-152; 2) Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966, с.130.

22 Б е р н ш т е й н С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1960, с.267-268.

23 Т р а в н и ч е к Фр. Грамматика чешского литературного языка. М., 1950, с.68.

24 К р а ј с о в и ć, Rudolf. A historical phonology of the Slovac language. Heidelberg, 1975, p.108-112. - К сожалению, в своем подробном описании процессов, связанных с утратой геминат, автор ничего не говорит о стыках слов.

25 Т р а в н и ч е к Фр. Грамматика чешского литературного языка, с.57-60.

26 Е л и з а р е н к о в а Т.Я. Грамматика ведийского языка. М., 1982, с.113.

27 З а л и з н я к А.А. Грамматический очерк санскрита. - В кн.: Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М., 1978, с.880-881.

28 Б о д у э н д е К у р т е н э И.А. Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний. - В кн.: Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию, т.2. М., 1963, с.19-29.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА,
ОБЩЕСТВО:
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Отв. ред. чл.-кор. АН СССР *М. Н. Боголюбов*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1986

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В сборнике освещается широкий круг проблем, возникающих при исследовании культурно-исторических фактов в динамическом аспекте. Языковые статьи написаны на материале русского, японского, тайского и других языков; литературоведческие — на материале русской, японской и других литератур; исторические освещают ряд конкретных сюжетов из истории народов Советского Союза, Афганистана и других стран.

Книга рассчитана на преподавателей и аспирантов гуманитарных факультетов.

Редакционная коллегия: чл.-кор. АН СССР М.Н.Боголюбов (отв.ред), д-р филол.наук В.Б.Касевич, д-р филол.наук В.В.Колесов, канд. филол.наук С.И.Богданов, Т.И.Оранская.

Рецензенты: д-р филол. наук А.П.Володин (Ин-т языкозн. АН СССР), канд. филол. наук С.Л.Невелева (Ленингр. отд-ние Ин-та востоковед. АН СССР), канд. ист. наук Т.И.Султанов (Ленингр. отд-ние Ин-та востоковед. АН СССР)

Я 4604000000-091 100-86
076(02)-86

© Издательство
Ленинградского
университета, 1986 г.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Статьи настоящего сборника принадлежат молодым ученым-гуманитариям, и не случайно, что в них достаточно отчетливо проявилась тенденция, наблюдающаяся в развитии гуманитарных наук именно последних лет, — стремление к комплексному подходу в изучении общества, культуры, человека. Два аспекта характерны для такого подхода: рассмотрение любого феномена в контексте его многообразных связей и историзм в широком смысле — непрменный учет развития, динамики изучаемых систем, сопряжение синхронии и диахронии.

Языковедческие работы представлены в сборнике девятью статьями, которые посвящены актуальным проблемам на материале разных языков (русского, австронезийских, афразийских, ительменского, японского). В одних комплексность подхода проявляется в исследовании взаимодействия социальных и языковых факторов. Это статьи А.С.Асиновского — о зависимости функционирования ительменского языка от совокупности социальных условий; И.В.Прохоровой — об отображении в языке исторически меняющихся торговых и производственных связей; Н.А.Добронравина, исследующего мифологеми хауса в свете языковых и исторических взаимоотношений хауса и сонгаи; в статьях В.И.Гохмана и Х.М.Зарбалиева, вопросы этимологии австронезийских и тайских языков рассматриваются в связи с историей соответствующих этносов. В работах других авторов комплексное рассмотрение проблем с позиций историзма преломляется как максимальный учет собственно языковых системных факторов, равно как и тенденций развития систем, для решения любого вопроса синхронного состояния языка. Так, в статье С.И.Богданова и В.Б.Евтюхина исследуется зависимость продуктивности грамматических, особенно словообразовательных, моделей от их соответствия глубинным свойствам данного языка как системы. М.Б.Попов и А.Ю.Русakov ставят вопрос: в рамках какой единицы — морфемы или слова — происходят фонологические изменения? В.В.Рыбин на обширном и разнообразном материале опровергает положение, согласно которому такая специфическая единица японской фонологии, как *мода*, существенна лишь для описания древнеяпонского языка. Практически все

лингвистические работы сборника основаны на оригинальном материале, впервые вводимом в научный оборот.

Историзм объединяет в единое целое и статьи литературоведческого раздела. В них говорится о литературах, весьма друг от друга далеких (английской, арабской, русской, японской и др.), но все они едины в стремлении осветить новые стороны развития литературы, культуры, общества. Вне зависимости от того, посвящены ли работы критической деятельности Н.Г.Чернышевского (В.В.Кропотова), трагедии Я.Б.Княжнина "Вадим Новгородский" (П.Е.Бухаркин) или эволюции творческого метода Таяма Катай (Н.В.Смирнова), в них то или другое явление мировой литературы рассматривается в движении, в динамике. Обращаясь к становлению жанров, к кризисным явлениям в истории литературы, авторы в своем анализе постоянно помнят и о внутренних законах литературного процесса, и о его обусловленности эпохой.

Вопросы общественного развития поставлены в исторических статьях, посвященных разным регионам и эпохам, что позволяет раскрыть общую тему на разнообразном материале. Проблеме развития общественного строя посвящена статья А.В.Попова, в которой автор критикует одну из выдвинутых в последние годы теорий стадийного этапа развития кочевнических обществ. Учитывая дискуссионный характер данной теории, критические замечания, высказанные А.В.Поповым, представляются интересными и плодотворными. В статье С.Е.Григорьева показан определенный этап развития правового законодательства в Афганистане конца прошлого - начала нашего столетия. Развитие этнического самосознания у туркменских переселенцев на северный Кавказ прослеживается в статье А.В.Курбанова на основе собранных самим автором полевых материалов.